

LATVIJAS SŪTNIESCĪBA
LÉGATION DE LETTONIE
Nr. 84/4
Marta 21. 6. 40

ВЫНУЖДЕННЫЙ АЛЬЯНС

Советско-балтийские отношения
и международный кризис

1939–1940

Сборник документов

...dājam
...nistr
...par
...ja Ber
...slēdzienu.
...kunga viesošanās
...Pad. S-bas presē un lasīta
...Turpretim ticis draudzīgi s
...ir ievērojama starpība. N
...oši faktori vienmēr bi
...s.

Прибалтийские исследования в России

**Вынужденный альянс. Советско-
балтийские отношения и
международный кризис 1939–
1940. Сборник документов**

«Алисторус»

2019

УДК 94(47+474.3) «1939/1940: 316.485.26
ББК 63.2 (2+451) 621

Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и
международный кризис 1939–1940. Сборник документов /
«Алисторус», 2019 — (Прибалтийские исследования в России)

ISBN 978-5-907211-25-4

Впервые публикуемые отчеты дипмиссии Латвии в СССР вскрывают малоизвестный пласт двусторонних отношений, борьбы и взаимодействия дипломатических служб воюющих и нейтральных государств в начале Второй мировой войны. После заключения в сентябре-октябре 1939 г. пактов о взаимопомощи отношения между СССР и странами Балтии официально трактовались как союзные. В действительности это был вынужденный альянс, в котором каждая сторона преследовала свои интересы. Латвия, Литва и Эстония пытались продемонстрировать лояльность СССР, но, страшась советизации, сохраняли каналы взаимодействия с нацистской Германией и не вполне доверяли друг другу. Москва же опасалась использования Берлином территории Прибалтики как плацдарма для агрессии против СССР.

УДК 94(47+474.3) «1939/1940: 316.485.26

ББК 63.2 (2+451) 621

ISBN 978-5-907211-25-4

, 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Вводная статья	6
Археографическое предисловие	26
Документы	29
№ 1	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг.: Сборник документов
Составители Н.Н. Кабанов (ответств. сост.) А.Р. Дюков, В.В. Симиндей
ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФОНД «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

Ассоциация книгоиздателей «Русская книга»

Утверждено к печати

Ученым советом Института российской истории РАН

Рецензенты

Заместитель начальника отдела «Центр документальных публикаций» Российского государственного архива социально-политической истории д. и. н.

А. В. Репников

Старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра по изучению войн и геополитики Института всеобщей истории РАН к. и. н.

Д. В. Суржик

Ведущий научный сотрудник Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН д.и.н.

И.А. Хормач

В оформлении обложки использована фотокопия донесения посланника Латвии в СССР Ф. Коциньша от 10 июня 1940 г.

(РИАЛ. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л. 4.)

Вводная статья

История международного политического кризиса 1938–1941 гг. традиционно привлекает повышенное внимание историков; при этом в сферу исследовательских интересов попадают не только внешнеполитические усилия «великих держав», но и политика «малых» восточно-европейских государств, в том числе – стран Балтии. Несмотря на высокий уровень политизации проблемы, за последние десятилетия исследователям из Латвии, Литвы, Эстонии, России и ряда других стран удалось существенно сузить поле возможных интерпретаций относительно советско-балтийских отношений 1938–1940 гг. За прошедшие после распада Советского Союза десятилетия в свет вышло немало содержательных исследований¹ и документальных публикаций².

Данная документальная публикация вводит в научный оборот новый комплекс дипломатических документов о судьбоносных для всей Прибалтики событиях июля 1939 – июня 1940 гг. В отличие от аналогичных документов внешнеполитических ведомств Великобритании, Германии, Советского Союза, Литвы и Эстонии, отчеты латвийской миссии в СССР³ ранее оставались неизвестными как отечественным, так и зарубежным историкам.

Возникшие на развалинах Российской империи страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония – на протяжении более пятнадцати лет сохраняли обретенную независимость, пользуясь британской и французской поддержкой и балансируя между Германией, Польшей и Советским Союзом. Однако в конце 1930-х гг., в условиях нарастания политического кризиса и начала Второй мировой войны ситуация изменилась. Нацистская Германия приступила к ревизии Версальского миропорядка и реализации своих агрессивных замыслов, а геополитический интерес Великобритании и Франции к региону стал явно затухать⁴. В новой внешнеполитиче-

¹ *Feldmanis I., Stranga A. Virsis M.* Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis: 30. gadu otrā puse. Rīga, 1993; *Duhanovs M., Feldmanis I., Stranga A.* Latvia and the Year of Fateful Decisions. Rīga, 1994; *Кен О.Н., Пунасов А.И.* Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002; *Ilmjärv M.* Silent Submission: Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania: Period from mid 1920s to Annexation in 1940. Stockholm, 2004; *Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* М., 2006; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008; *Донгаров А.Г.* СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.): Дипломатические хроники и размышления. М., 2010; *Kasparavičius A.* Lietuva 1938–1939 m.: Neutraliteto iluzijos. Vilnius, 2010; *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012; *Мельтохов М.И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940): Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014; *Мельтохов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 г.). М., 2015; *Дембски С.* Между Берлином и Москвой. Советско-германские отношения В 1939–1941 гг. М., 2017.

² От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы / Сост. К. Арьякас, Т. Арумяэ, Х. Арумяэ, Р. Хелме. Таллинн, 1990; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 – август 1940 г. М., 1990; *Latvijas okupācija un aneksija (1939–1940): Dokumenti un materiāli / Šast. Grava-Kreituse I., Feldmanis I., Goldmanis J., Stranga A.* Rīga, 1995; СССР и Литва во Второй мировой войне: Сборник документов / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Vilnius, 2006. Т. 1; Прибалтика и геополитика (1935–1945): Сборник документов / Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2006; *Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / Red. T. Remeikis.* Vilnius, 2009. Т. 1–2; *Дюков А.Р.* Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости. М., 2013; *Симиндей В.В., Кабанов Н.Н.* Заключая «Пакт Мунтерса-Риббентропа»: Архивные находки по проблематике латвийско-германских отношений в 1939 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 1. С. 178–209.

³ До конца Второй мировой войны большинство дипломатических представительств имело 2-й класс и именовались миссиями (англ. legation, лат. sūtniecība); соответственно, их глава назывался посланником (envoy, sūtnis). Большие державы могли быть представлены в статусе посольств (embassy, vēstniecība) и послов (ambassador, vēstnieks). В исследованном нами документальном объеме послами называются главы диппредставительств США, Великобритании, Германии, Франции, Италии. Для СССР в то время традиционным был термин «полпред» – полномочный представитель, глава «полпредства», полномочного представительства.

⁴ См., напр.: *Feldmanis I., Stranga A., Virsis M.* Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30. gadu otrā puse). Rīga, 1993. 21. lpp.; *Zunda A.* Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998.9., 10. lpp.

ской обстановке официальные Рига и Таллин, недооценивавшие тотальность экспансионистских притязаний Гитлера, решили подыграть Берлину.

Начиная с 1938 г. германское влияние в Прибалтике резко усиливается. Первым шагом Берлина стало требование под предлогом «воспитания прессы в духе нейтралитета» от стран Балтии навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом, редакторов и владельцев газет⁵. Официальная Рига вскоре согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении издательского бизнеса и журналистики, устроив «чистку» в ведущих изданиях (таковая была проведена, в частности, в латышских газетах «Брива земе» и «Яунакас зиняс», а также в русскоязычном издании «Сегодня»), Как отмечал глава МИД Латвии В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 г., «именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»⁶.

Следующим шагом на пути подчинения германской воле стал отказ в сентябре 1938 г. Эстонии, Латвии и Литвы от автоматического применения статьи 16 Статута Лиги Наций. Эта позволяла обеспечить транзит советской военной силы по территории, акватории и воздушному пространству стран Балтии для борьбы с агрессором в случае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, заявив, что руководство Рейха «не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории»⁷. В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября – Литва заявили о необязательности применения статьи 16, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета»⁸. Благодаря этому решению Прага оказалась отрезана от возможной советской военной помощи. Так, под давлением со стороны Германии, страны Балтии внесли свой вклад в подготовку Мюнхенского соглашения и последующего расчленения Чехословакии.

В секретных беседах с германскими представителями эстонское военное руководство не скрывало своей поддержки действий Германии в случае конфликта, а также желания быть полезными Рейху. Так, 5 июля 1938 г. германский посланник в Таллине Г. Фровейн известил Берлин о том, что начальник штаба эстонской армии генерал Н. Реек признал важность для Эстонии немецкого контроля над Балтийским морем в случае войны и «заявил, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности»⁹. Советская разведка имела определенную информацию о подобных контактах и, в частности, отмечала, что Германия занимается «подготовкой морского плацдарма для войны на Балтийском море»¹⁰.

Усиление германского влияния в Прибалтике вызывало острое беспокойство Москвы. Отношение советского руководства к странам Балтии во многом обуславливалось тяжелым опытом революционного периода. В годы гражданской войны территория Прибалтики дважды становилась плацдармом наступления на Петроград: один раз – для германской армии, второй – для поддерживаемых британской военной миссией белогвардейских частей и союзных им эстонских войск¹¹. Неудивительно, что с начала 1920-х гг. недопущение повторения подобной

⁵ Kangeris K. Latviešu ub ebreju attiecības Trešā reiha skatījuma. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003.56. lpp.

⁶ Ibid.

⁷ Ilmjärvi M. Silent submission... P. 285.

⁸ См.: Ковалев С.Н. СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 33–34.

⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D. Bd. V. Baden-Baden, 1953. S. 384.

¹⁰ Цит. по: Ковалев С. Н. СССР и Прибалтика... С. 34.

¹¹ Подробное изложение военно-политических событий 1918–1920 гг. в Прибалтике приводится по: Мельтохов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 г.). М., 2015.

угрозы «колыбели русской революции» и крупнейшему промышленному центру страны стало основной целью политики советского государства на прибалтийском направлении.

Приход в 1933 г. к власти в Германии нацистов стал причиной усиления внимания Москвы к прибалтийскому «плацдарму». «Созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада», – констатировал в начале 1934 г. заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карл Радек¹². В середине 1930-х гг. советская дипломатия настойчиво добивалась гарантированного нейтралитета Эстонии, Латвии и Литвы; нейтралитета, не препятствующего коллективным действиям против агрессора и способного перерасти в союзнические отношения в оборонных вопросах. Однако добиться этого Москве не удалось.

19 марта 1939 г. Германия предъявила Литве ультиматум с требованием немедленного «возвращения» региона Клайпеды (Мемеля). Литовское руководство было вынуждено согласиться с этим диктатом. 22 марта состоялось подписание германо-литовского договора о дружбе, предусматривавшего передачу Германии Мемеля. В соответствии с этим договором Литва и Германия также принимали на себя обязательство о неприменении силы друг против друга. Характерно, что, получив немецкий ультиматум, литовское правительство не стало обращаться к СССР за поддержкой¹³ – несмотря на то, что еще в 1938 г. Литва считалась главным союзником СССР в регионе.

Между тем Ковенская резидентура НКВД еще в начале марта 1939 г. информировала Москву о немецких планах аннексии Мемельского края; по данным резидентуры, аннексия должна была произойти «не позднее 25 марта»¹⁴. Точность этой информации заставляла советское руководство с вниманием отнестись к еще одному пункту того же спецсообщения резидентуры: «по тем же данным Германия... предложила Литве свой протекторат, обещая последней расширить ее территорию за счет Виленского и Гродненского края Польши»¹⁵.

Судя по всему, после подписания 22 марта 1939 г. германо-литовского договора о дружбе, в Москве сочли Литву уже «потерянной» для Советского Союза и потому сосредоточились на защите своих интересов и недопущении усиления германского влияния в Латвии и Эстонии. 28 марта 1939 г. советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов вручил эстонскому и латвийскому посланникам в Москве специальные заявления. Заявления были однотипными: в них напоминалось о договорах, заключенных СССР с этими странами в 1920 и 1932 годах, об усилиях по обеспечению безопасности стран Балтии, предпринятых ранее Москвой. После этого следовало недвусмысленное предупреждение: «Какие бы то ни было соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление ему каких-либо исключительных прав или привилегий, как на территории Латвии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми с предпосылками названных договоров и соглашений, регулирующих в настоящее время его взаимоотношения с Латвией, и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁶.

Это было недвусмысленное предупреждение для Таллина и Риги: оставаться нейтральными. В случае же нарушения нейтралитета, означавшего появление серьезной угрозы без-

¹² Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Кн. 1. С. 107, ссылка 129.

¹³ Кен О.Н., Рупасов А.И. Москва и страны Балтии... С. 246–247.

¹⁴ Выписка из спецсообщения Ковенской резидентуры НКВД [март 1939 г.] // Особый архив Литвы (Lietuvos ypatingas archyvas). Ф. К-35. Оп. 2. Д. 827. Л. 98.

¹⁵ Там же. Л. 99.

¹⁶ Мельтохов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы... С. 446.

опасности СССР, Москва оставляла за собой право противодействовать этой угрозе так, как сочтет нужным.

Советские заявления от 28 марта 1939 г. часто рассматривают как свидетельство покушения Кремля на независимость Эстонии и Латвии. Однако сегодня мы знаем то, чего не знали участники событий: как раз в это время германским руководством обсуждались планы экспансии на прибалтийском направлении. В утвержденной 11 апреля Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» указывалось, что в будущем Германия может взять под свой контроль Латвию и Литву: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»¹⁷. Таким образом, опасения Советского Союза были более чем оправданны.

Ситуация складывалась таким образом, что только совместные гарантии СССР, Франции и Англии могли спасти независимость и нейтралитет Прибалтики. «Интерес СССР к косвенной агрессии – и вообще к обеспечению стран Балтии обусловлен главным образом страхом перед Германией, а не вследствие его злых намерений в отношении балтийских стран, как многие предполагают», – отмечал директор департамента МИД Великобритании У. Стренг¹⁸. Москва дважды, в апреле и мае 1939 года, предлагала западным великим державам предоставить совместные гарантии прибалтийским республикам, однако безуспешно. Причиной тому было не только нежелание Лондона и Парижа связывать себя какими-либо обязательствами¹⁹, но и позиция властей стран Балтии.

В то время как Москва пыталась достигнуть договоренности с Лондоном и Парижем, Таллин и Рига, не принявшие во внимание советского предупреждения от 28 марта, активизировали взаимодействие с Берлином. 20 апреля 1939 года начальник штаба латвийской армии М. Хартманне и командующий Курземской дивизией О. Данкерс прибыли в Берлин для участия в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, и были лично приняты фюрером, вручившим им награды. Прибыл на юбилей Гитлера и начальник эстонского генерального штаба генерал-лейтенант Н. Реек, а также командующий литовской армией генерал С. Раштикис²⁰.

В начале мая 1939 г. советский военный атташе в Латвии полковник К.П. Васильев направил в Москву обширный доклад о подготовке Германии к захвату республики. По информации Васильева, приехавший в Латвию в середине апреля 1939 г. германский военный атташе полковник Х. Рессинг прощупывал возможность установления над республикой германского протектората. «Рессинг в Лиепае командиру дивизии и офицерам гарнизона предлагал германский протекторат, причем этот протекторат должен был быть направлен против СССР», – сообщал советский военный атташе²¹. По его мнению, латвийские власти были склонны пойти на соглашение с нацистской Германией, они «прямо лезут в объятия Гитлера»²².

Ровно через месяц прогноз полковника Васильева начал сбываться – пусть даже и не полностью. 7 июня 1939 года в столице Германии состоялось подписание договоров о ненападении между Германией, Латвией и Эстонией. Эти соглашения сопровождались секретными

¹⁷ *Дашинев В.И.* Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы. М., 2005. Т. 2. С. 37.

¹⁸ Прибалтика и геополитика. С. 66.

¹⁹ *Карлей М. Дж.* История провала: Англо-франко-советский альянс, которого не было, и неопубликованная Белая книга британского правительства, 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 2.

²⁰ *Симиндей В.В.* Огнем, штыком и лезвием. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М., 2015. С. 59; *Kasparavičius A.* Lietuva 1938–1939 m.: Neutraliteto iluzijos. Vilnius, 2010. S. 106–107.

²¹ Докладная записка советского военного атташе в Латвии К.П. Васильева «О подготовке германской агрессии в Латвии», 7 мая 1939 г. // Library of Congress, Manuscript Division. Dmitrii Antonovich Volkogonov papers, 1887–1995. Box 16. Reel 10.

²² Там же.

протоколами, направленными против Советского Союза; в датированном 8 июня 1939 г. внутреннем меморандуме руководителя немецкой Службы новостей для заграницы Г. Дертингера говорится о том, что Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР. В меморандуме также указывалось, что Эстония и Латвия были предупреждены о необходимости разумного применения их политики нейтралитета, требовавшей развертывания всех оборонительных сил против «советской угрозы»²³. Уже после Второй мировой войны точную характеристику сути происходившего дал У. Черчилль: «Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении. Таким образом Гитлеру удалось без труда проникнуть вглубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»²⁴.

После подписания соглашения с Германией эстонское правительство дало согласие на интенсификацию сотрудничества между военными разведками Эстонии и Третьего Рейха²⁵. Вскоре официальный Таллин уведомил Лондон о том, что Эстония будет рассматривать «автоматическую (то есть, не санкционированную ею) помощь» от третьих стран как недружественный акт. Более того, 19 июня 1939 г. посол Эстонии в Москве А. Рэй на встрече с британскими дипломатами заявил, что «помощь» со стороны СССР заставит Эстонию «воевать до последнего солдата на стороне Германии»²⁶. Свою лепту в торпедирование эвентуальных антигитлеровских гарантий вносил и латвийский посланник в Москве Ф. Коциньш, заявивший британским представителям 22 июня 1939 г., что Латвия будет защищаться с оружием в руках, считая главным возможным противником Советский Союз²⁷.

Прогерманский выбор стран Балтии накануне начала Второй мировой войны был неоспорим. Как констатирует эстонский историк М. Ильмярв, «в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и

Литвы возложили все свои надежды на нацистскую Германию, как наиболее мощного оппонента большевизма»²⁸.

Публикуемые в настоящем сборнике документы также подтверждают, что прибалтийские политики рассматривали сотрудничество с Германией как «меньшее зло». Посланник Латвии в СССР Ф. Коциньш зафиксировал мнение своих прибалтийских коллег-дипломатов: «Как эстонский, так и литовский посланники пришли к единодушному мнению, что если с началом войны наступят судьбоносные дни для Балтийских государств, то меньшим несчастьем все же будет немецкая угроза. Запустив «русскую вошь» в шубу, ее наружу больше не выбьешь» (док. № 1). Судя по этому высказыванию, антисоветская позиция прибалтийских дипломатов того времени объяснялась не только политическими страхами, но и банальной ксенофобией.

Казалось, что ближайшее будущее стран Балтии – на стороне Германии и против СССР – было predetermined. Однако в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении. Согласно секретному дополнительному протоколу к

²³ Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. С. 401–402; Симиндей В.В., Кабанов Н.Н. Заключая «Пакт Мунтерса-Риббентропа»... С. 178–209.

²⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 181.

²⁵ Барков Л. В дебрях Абвера. Таллин, 1971. С. 44–45.

²⁶ Мельтохов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы... С. 484.

²⁷ Engīzers E. Fricis Kociņš – Latvijas sūtnis PSRS: liktenīgie gadi // Daugavpils universitātes Humanitārās fakultātes XXI starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XV. Vēsture: Avoti un cilvēki. Daugavpils, 2012.79. lpp.

²⁸ Ильмярв М. Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 276.

этому договору, Латвия и Эстония оказались включены в советскую сферу влияния, а Литва (вместе с Виленским краем, литовская принадлежность которого признавалась и Германией, и Советским Союзом) – в сферу влияния Германии.

Мотивация советского руководства, вынужденного пойти на сделку с Берлином, была вполне очевидна. Получить на своей западной границе германский плацдарм было давним страхом Кремля. В 1939 г. все попытки советской дипломатии добиться нейтралитета Прибалтики провалились, подписание германолатвийского и германо-эстонского договоров стало наглядной демонстрацией прогерманской ориентации стран Балтии. По справедливому замечанию российских историков О.Н. Кена и А.И. Рупасова, после 7 июня 1939 г. «суть дилеммы, перед которой оказалась Москва, заключалась в том, что сохранение ее позиций в регионе становилось отныне возможным лишь посредством войны с Германией или путем достижения соглашения с ней»²⁹.

Поэтому, когда из Берлина поступило предложение подписать договор о ненападении и разделить «сферы влияния», в Москве ответили согласием. Для Германии же на тот момент Прибалтика была не столь важна, как возможность военно-политической изоляции Польши.

Советско-германское соглашение шокировало многих, однако о конкретном содержании его ходили самые различные слухи. Для руководства стран Балтии жизненно важным было понять: касается ли заключенная Москвой и Берлином сделка Прибалтики, а если да, то каким образом?

Латвийский посланник в Берлине Э. Криевиньш уже 25 августа 1939 г. со ссылкой на свои контакты сообщал в Ригу, что согласно советско-германскому соглашению Латвия и Эстония отнесены к сфере влияния СССР, а Литва – к сфере влияния Германии³⁰. В начале сентября посол США в Москве Штейнгард сообщил своему латвийскому коллеге Ф. Коциньшу о том, что «соглашение о разделе Балтийских государств между Германией и Советским Союзом можно считать свершившимся фактом» (док. № 2). Эти данные были достоверными, однако латвийский посланник не поверил в американскую осведомленность³¹. Германские дипломаты наличие секретных соглашений с СССР относительно раздела сфер влияния в Прибалтике неизменно отрицали; например, 30 августа 1939 г. германский военный атташе в Москве генерал Э. Кестринг сообщил своему латвийскому коллеге полковнику-лейтенанту Я. Залитису, что «при заключении акта о ненападении между Германией и Советским Союзом не было ни малейшей речи о нарушении интересов Балтийских государств» (док. № 4). Попытки латвийских дипломатов получить информацию от советской стороны тоже не увенчались успехом. Руководство Наркомата иностранных дел СССР от ответа на вопрос о судьбе Прибалтики старательно уклонялось, одновременно делая туманные намеки на необходимость расширения двусторонних политических обязательств (док. № 6). В итоге министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс счел информацию о существовании советско-германского соглашения в отношении балтийских государств необоснованными слухами. В начале сентября 1939 г. он сказал верховному комиссару Лиги Наций в Данциге швейцарцу К. Буркхарду, что Латвия ничего не боится, поскольку Россия не позволит Германии трогать Латвию, а Германия остановит Россию, если та захочет сделать то же самое³².

Эстонский посланник в Москве А. Рей не верил в существование соглашения о «разделе Балтийских государств»³³, тогда как его латвийский коллега допускал подобный вариант,

²⁹ Кен О.Н., Рупасов А.И. Москва и страны Балтии. С. 248.

³⁰ Ильмярв М. Безмолвная капитуляция... С. 416.

³¹ Фелдманис И. Крушение надежд. Новый взгляд на события Второй мировой войны в Латвии, 1939–1945. Рига, 2015. С. 30–31.

³² Ильмярв М. Безмолвная капитуляция... С. 419.

³³ Письмо посланника Эстонии в Москве А. Рея в МИД Эстонии от 31 августа 1939 г. // От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. С. 110–111.

упомянув в числе прочих мнений и догадок, циркулировавших тогда в дипкорпусе³⁴. Однако министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер о содержании советско-германской сделки был прекрасно осведомлен. Уже 26 августа 1939 г. начальник разведывательного отдела Генштаба армии Эстонии полковник Р. Маазинг представил своему начальству доклад о том, что согласно советско-германскому соглашению страны Балтии отошли в сферу влияния Советского Союза. Эта информация была достоверной; по мнению эстонского исследователя М. Ильмярва, у Маазинга был агент, имевший доступ к секретным документам Третьего Рейха³⁵.

Несмотря на то, что между прибалтийскими дипломатами существовало неформальное «джентльменское» соглашение об обмене информацией, глава эстонского внешнеполитического ведомства предпочел сохранить полученные знания в тайне. Пока в Риге пытались разобраться в порожденном советско-германским соглашением клубке слухов, лжи, правды и полуправды, министр иностранных дел Эстонии Сельтер, учитывая новые реалии, начал работу над налаживанием контактов с Советским Союзом.

Уже 2 сентября 1939 г. глава МИД Эстонии в ходе встречи с советским полпредом К.Н. Никитиным заявил о желательности заключения нового советско-эстонского торгового соглашения. «Сельтер заявил мне, что правительство Эстонии хотело бы переключить свой торговый рынок на СССР», – сообщал в Москву полпред³⁶. Реакция Кремля была, разумеется, позитивной, и вскоре в Москву для переговоров был направлен директор отдела внешней торговли МИД Эстонии Г. Мери. Его визит был скрыт от всех плотной завесой тайны; по документам выходило, что в Москву ехал простой дипкурьер³⁷. К тому времени в Москве уже находилась латвийская делегация, также обсуждавшая вопросы расширения двусторонней торговли (док. № 6). Однако в отличие от латышей, МИД Эстонии укреплением торговых отношений с СССР ограничиваться не собирался. 19 сентября 1939 г. советско-эстонское торговое соглашение было парафировано, и для его подписания в Москву отправился глава эстонского внешнеполитического ведомства К. Сельтер. Инициатива визита, как показывают документы, исходила не от советской, а от эстонской стороны³⁸. Стоит отметить, что после заключения Пакта с Германией 23 августа 1939 г. и вплоть до конца сентября 1939 г. советская дипломатия не оказывала какого-либо активного давления на Латвию и Эстонию; даже история с бегством в ночь на 18 сентября 1939 г. из Таллинского порта польской подводной лодки «Орел», по оценке эстонского посланника в Москве, не вызвала серьезного обострения советско-эстонских отношений (док. № 13).

22 сентября 1939 г. глава эстонского МИД принял латвийского посланника в Таллине В. Шуманиса, недвусмысленно намекнув ему, что истинной целью поездки в Москву является не только заключение торгового соглашения. «Из разъяснений министра мною был сделан вывод, что министр Сельтер сам хотел ехать в Москву, – сообщал в Ригу латвийский дипломат. – Когда я заметил, что поездка министра может вызвать различные мнения и догадки, имея в виду события последних дней, то министр, отвечая, подчеркнул, что он не обращает на это внимания. Очевидно, недостатка в разговорах и статьях о протекторате Советской России над Эстонией не будет, однако всем стало бы ясно, что этот протекторат носит такой характер, что другие могли бы даже сейчас пожелать. В наших интересах, особенно сейчас, поддерживать

³⁴ *Engizers E. Fricis Kociņš – Latvijas sūtnis PSRS... 79. lpp.*

³⁵ *Ильмярв М. Безмолвная капитуляция... С. 426.*

³⁶ Телеграмма полпреда СССР в Эстонии К.Н. Никитина в НКВД СССР от 2 сентября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 22.

³⁷ Телеграмма полпреда СССР в Эстонии К.Н. Никитина в НКВД СССР от 6 сентября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 24; Письмо посланника Латвии в Таллине В. Шуманиса в МИД Латвии от 23 сентября 1939 г. // От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. С. 132–133.

³⁸ Телеграмма полпреда СССР в Эстонии К.Н. Никитина в НКВД СССР от 21 сентября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 52–53.

хорошие отношения с Россией»³⁹. На следующий день посланник Эстонии в Москве А. Рей проинформировал о предстоящем визите Сельтера своего латвийского коллегу Ф. Коциньша (док. № 16).

В Москву К. Сельтер (в сопровождении жены) прибыл 24 сентября 1939 г.; вечером того же дня он был принят наркомом иностранных дел В.М. Молотовым. В ходе встречи советская сторона поставила вопрос о необходимости заключения помимо торгового соглашения еще одного двустороннего соглашения – договора о взаимной помощи, который бы давал СССР право разместить на территории Эстонии свои военные базы. Согласно эстонской записи беседы К. Сельтер первоначально отвергал советские претензии как угрожающие суверенитету Эстонии, но после полуторачасового перерыва согласился обсудить подготовленный советской стороной проект договора о взаимопомощи⁴⁰. Однако, как замечает эстонский историк М. Ильмярв, содержание обсуждавшегося на встрече проекта договора (обнаруженного впоследствии в Архиве внешней политики РФ) наводит на мысль о том, что подготовлен он был не советской, а эстонской стороной. М. Ильмярв не исключает, что К. Сельтер прибыл в Москву с уже готовым проектом договора о взаимной помощи⁴¹.

Как бы то ни было, разногласия по поводу содержания договора явно возникли; они касались месторасположения баз и численности вводимых на территорию Эстонии советских войск. Москва не преминула поддержать свою переговорную позицию угрозами (советские войска были давно сосредоточены у эстонской границы). «Если вы не пожелаете заключить с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется искать для гарантирования своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, может быть, более сложные. Прошу Вас, не принуждайте нас применять силу против Эстонии», – заявил Молотов⁴². 25 сентября 1939 г. К. Сельтер улетел в Таллин для обсуждения советских требований, а уже вечером 27 сентября вернулся в Москву с необходимыми полномочиями для подписания договора. Сутки спустя, поздним вечером 28 сентября, после двух раундов переговоров, советско-эстонский договор о взаимопомощи был подписан вместе с торговым соглашением.

На протяжении всей этой эпопеи эстонский МИД не информировал о происходящем коллег из Латвии и Литвы. Латвийский посланник в Москве Ф. Коциньш впоследствии вспоминал: «Эстонский министр иностранных дел Сельтер не информировал ни меня, ни Латвийское правительство, несмотря на военный союз и другие соглашения, заключенные между Эстонией и Латвией, о ходе переговоров о заключении пакта о взаимопомощи с СССР. Когда я посетил эстонского посланника Рея, чтобы получить нужную информацию, последний ответил, что министр Сельтер дал указание никому не рассказывать о переговорах»⁴³. В своих донесениях в Ригу латвийский посланник не скрывал своего острого раздражения поведением эстонских дипломатов: «Я весьма поражен как действиями министра Сельтера, так и посланника. Вся Москва полна разными слухами, которые напрямую затрагивают наши государства. Поспешный отъезд Сельтера, за которым последовал отлет посланника, еще более эти слухи обостряют. У нас, как у союзников, есть не только моральные, но также юридические права испрашивать информацию, ибо русские требования могут затронуть как Эстонию, так и Латвию. Если он отказывается от предоставления хотя бы общей информации о требованиях русских, об этом незамедлительно информирую свое правительство. Действия посланника Рея нахожу некор-

³⁹ Письмо посланника Латвии в Таллине В. Шуманиса в МИД Латвии от 23 сентября 1939 г. // От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. С. 132–133.

⁴⁰ Запись переговоров министра иностранных дел Эстонии К. Сельтера с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым 24–25 сентября 1939 г. // От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. С. 134–143.

⁴¹ *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция... С. 447.

⁴² Там же. С. 446.

⁴³ Протокол допроса Ф. Коциньша от 23–24 декабря 1940 г. // Государственный архив Латвии (Latvijas Valsts Arhīvs). Ф. 1986. Оп. 2. Д. П-5398. Л. 57–58.

ректными» (док. № 17). В свою очередь, посланник Латвии в Литве Л. Сея ядовито заметил в своих мемуарах: «министр иностранных дел Эстонии Сельтер первым послушался Москвы и вместе со своей мадам поспешил на самолете в Москву, в Риге даже не задержавшись»⁴⁴.

Как бы то ни было, Риге не оставалось ничего другого, как последовать примеру Таллина. 1 октября 1939 г. латвийское правительство обязало министра иностранных дел Мунтерса поехать в Москву для проведения переговоров. Как и в случае с эстонцами, инициатива этого визита исходила не от советской стороны⁴⁵. Согласование советско-латвийского договора о взаимопомощи продолжалось несколько дней; наконец, 5 октября 1939 г. он был подписан. Позднее В. Мунтерс утверждал, что советские требования к Латвии могли бы быть более мягкими, если бы Таллин согласовывал с Ригой свои действия⁴⁶.

Судя по всему, блиц-визит эстонского министра иностранных дел в Москву повлиял на судьбы еще одной прибалтийской страны. 25 сентября 1939 г., на следующий день после встречи В. Молотова с его эстонским коллегой, в Кремль был вызван германский посол в Москве Ф. Шуленбург. Посол был принят лично И. Сталиным, предложившим новую сделку, прямо касающуюся Литвы. «Он предложил Германии территории к востоку от демаркационной линии, целиком провинцию Люблина и часть Варшавской провинции, простирающейся до Буга. В обмен мы должны будем отказаться от нашего права на Литву», – сообщал в Берлин германский посол⁴⁷.

Для германской стороны это предложение было неожиданным. Согласно подписанным вместе с пактом Молотова-Риббентропа советско-германским секретным договоренностям Литва входила в германскую сферу влияния. Германское руководство имело на Литву вполне конкретные планы. Сразу же после начала вторжения в Польшу Берлин по дипломатическим и конфиденциальным каналам попытался убедить литовское руководство присоединиться к войне против Польши – в обмен на Вильнюс⁴⁸. Эти усилия остались безрезультатны, однако 20 сентября 1939 г. в Берлине был подготовлен проект договора «Об обороне между Германией и Литвой». Первая статья звучала лаконично: «Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку Германского Рейха»⁴⁹. Предусматривалось заключение военного договора, а также «тесных и всеобъемлющих экономических отношений»⁵⁰. На следующий день, 21 сентября 1939 г., глава МИД Германии И. фон Риббентроп заявил послу Литвы в Берлине К. Шкирпе о необходимости организации встречи с главой литовского внешнеполитического ведомства Ю. Урбшисом. В позднейших воспоминаниях Шкирпа изложил слова Риббентропа следующим образом: «Он полностью понимает желание Литвы сохранить свою государственную независимость, но Германия также имеет интересы в Литве. В поисках подходящего слова для своей мысли, фон Риббентроп проговорился, что – согласно терминам современной дипломатии – Литва якобы составляет сферу интересов Германии, иначе говоря, обе стороны имеют некоторую общность интересов, которые необходимо согласовать»⁵¹. На

⁴⁴ *Sēja L.* Es pazīstu vairs tikai sevi. Diplomāta dienaspāra un memuāri: 1941–1961. Rīga, 2017. 210. lpp.

⁴⁵ *Ильмяев М.* Безмолвная капитуляция... С. 470–471.

⁴⁶ Там же. С. 471.

⁴⁷ Телеграмма посла Германии в Москве Ф. Шуленбурга в МИД Германии от 25 сентября 1939 г. // СССР и Литва... Т. 1. С. 197.

⁴⁸ Протокол допроса бывшего посла Германии в Каунасе Э. Цехлина от 20 декабря 1945 г. // Тайны дипломатии Третьего Рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские агенты в советском плену. Документы из следственных дел, 1944–1955. М., 2011. С. 501.

⁴⁹ Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой от 20 сентября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 52.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Воспоминания бывшего посла Литвы в Берлине К. Шкирпы (на литовском языке) // Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940. T. 1. S. 160–161; Памятная записка министра иностранных дел Литвы Ю. Урбшиса от 28 сентября 1939 г. (на литовском языке) // Ibid. S. 186–188.

следующий день Берлин через посла Ф. Шуленбурга обратился к советскому руководству с просьбой передать в германскую сферу влияния т. н «сувалкский треугольник» – польскую территорию, вклинивавшуюся между территориями Литвы и Восточной Пруссии⁵². О германских намерениях в отношении Литвы эта просьба говорила многое.

Переговоры на уровне министров иностранных дел Литвы и Германии, на которых Берлин собирался продиктовать Каунасу свои условия, должны были состояться в самое ближайшее время. На случай, если литовское правительство окажется несговорчивым, руководством Германии предусматривался военный захват Литвы: 25 сентября 1939 г. А. Гитлер подписал директиву, согласно которой германским войскам следовало «держаться в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления»⁵³.

Инициатива Москвы о передаче Литвы в советскую сферу влияния, однако, остановила реализацию германских планов установления протектората над Литвой. 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о дружбе и границе. Как и договор о ненападении от 23 августа 1939 г., новое соглашение сопровождалось секретным (дополнительным) протоколом, согласно которому стороны договаривались о переходе Литвы из германской в советскую сферу влияния⁵⁴. Подписано это соглашение было в тот же день, что и советско-эстонский договор о взаимопомощи.

На следующий день после подписания советско-германского договора, 28 сентября 1939 г., нарком иностранных дел В.М. Молотов вызвал литовского посланника в Москве Л. Наткявичюса и, не выдавая наличия секретных договоренностей с немцами, сообщил, что Каунасу необходимо определиться в своей внешнеполитической ориентации. «Ни для кого не секрет, что Литву хочет «перетянуть» Германия. Значит, для СССР важно знать, к какой стране Литва более расположена. Сейчас недостаточно быть «ни горячим, ни холодным», а нужно принимать решение... Молотов добавил, что Литва политически почти на 100 процентов зависит от Советского Союза и что Германия не будет возражать против того, о чем Советский Союз договорится с Литвой»⁵⁵.

3 октября 1939 г. в Москву прибыл министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис. Неделю спустя, после нескольких раундов напряженных переговоров, главы внешнеполитических ведомств СССР и Литвы поставили свои подписи под договором о взаимопомощи, предусматривавшим передачу Литве Виленского края и размещение на территории республики советских военных баз. «После подписания договора Молотов, усмехаясь, сказал, что он ожидал, что латыши будут самые упрямые, но такими оказались литовцы» (док. № 21,24).

Благодаря договорам о взаимопомощи со странами Балтии СССР получил право разместить свои военно-морские базы на стратегически доминирующих в Рижском и Финском заливах эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт), а также в незамерзающих латвийских портах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава). Конфиденциальные протоколы к договорам устанавливали предельный лимит на размещение гарнизонов наземных и воздушных сил СССР (в Эстонии и Латвии – по 25 тыс., в Литве – 20 тыс. человек)⁵⁶, отражавший компромисс между изначальными требованиями советских переговорщиков и возражениями прибалтийских делегаций.

⁵² Памятная записка, врученная послом Германии в Москве Ф.Шуленбургом наркому иностранных дел В.М. Молотову 22 сентября 1939 г. // Москва – Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сборник документов: В 3 т. М., 2011. Т. 3. С. 294.

⁵³ Директива ОКБ № 4 от 25 сентября 1939 г. // *Дашинцев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 2. С. 73.

⁵⁴ Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 61.

⁵⁵ Памятная записка посланника Литвы в Москве Л. Наткявичюса от 2 октября 1939 г. (на литовском языке) // Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940. Т. 1. С. 194–195.

⁵⁶ См.: Полпреды сообщают... С. 62–69,84–88,92–98.

Одновременно с договорами о взаимопомощи были заключены двусторонние торговые соглашения, позволившие странам Балтии получить рынок сбыта сельхозпродукции в СССР и восполнить товарно-сырьевые потери, вызванные острым дефицитом импорта из-за начавшейся войны в Европе.

В современной историографии можно встретить утверждения о «незаконности» договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой, с подписанием которых якобы началась «советская оккупация»⁵⁷. Однако об их соответствии нормам международного права того времени свидетельствует то, что эти договоры по просьбе глав МИД стран Балтии были зарегистрированы (депонированы) в Лиге Наций⁵⁸. «Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи, – пишет современный эстонский юрист Л. Мьялксоо. – Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов... согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными»⁵⁹.

Неудивительно, что, по сообщению посланника Латвии в Москве, «после подписания пактов взаимопомощи Балтийских государств и Советского Союза интерес в дипломатическом корпусе к Балтийским государствам ослаб. Большая часть соглашения восприняла как неизбежный, но единственный правильный выход из создавшейся новой ситуации» (док. № 23).

Политические причины заключения договоров о взаимопомощи были вполне очевидны. Яркой иллюстрацией преследуемых советской стороной целей служит датированное 24 сентября 1939 г. заявление В.М. Молотова министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру: «Договор с Германией имеет определенный срок действия. Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия... Польско-германская война показала, что великая держава не может передоверить свою безопасность другим... Поэтому естественно, что Советский Союз возьмет в свои руки обеспечение этой безопасности»⁶⁰. Во время переговоров с литовским министром иностранных дел звучали аналогичные объяснения: «Москва подчеркивала повторно, что СССР интересуется только созданием военного противовеса на Балтийском побережье. Гитлер является *incalculable*: он мечется из стороны в сторону и в целом считается только с вооруженной силой» (док. № 20). После заключения советско-латвийского договора о взаимопомощи советская позиция была символически подчеркнута организацией коллективного просмотра фильма «Если завтра война...». Латвийский военный атташе Я. Залитис записал: «Содержание фильма: бои Красной Армии с напавшей на Советский Союз германской армией» (док. № 42).

Антигерманскую направленность действий СССР в Прибалтике прекрасно понимали в Англии. 5 октября 1939 г. У. Черчилль, несколькими днями ранее назначенный первым лордом Адмиралтейства, встретился с советским полпредом И.М. Майским. Черчилль изложил свое понимание внешнеполитической ситуации: «СССР становится хозяином советской части Балтийского моря. Хорошо это или плохо с точки зрения британских интересов? Хорошо. Правда, кое-кто из лейбористско-либеральных сентименталистов проливает слезы по поводу «русского протектората» над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьезно. По существу же последние действия советского] правительства] в Прибалтике соответствуют

⁵⁷ См., например: *Strods H. PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940–1990. Rīga, 2010. 14. lpp.; Feldmanis L. Latvija Otrajā pasaulē kara (1939–1945): jauns konceptuāls skatījums. Rīga, 2013. 26. lpp.*

⁵⁸ Свидетельство о регистрации в Лиге Наций пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией от 13 октября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 115; Свидетельство о регистрации в Лиге Наций пакта о взаимопомощи между СССР и Латвией от 3 ноября 1939 г. // Там же. С. 161.

⁵⁹ *Мьялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет. Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 123.

⁶⁰ Запись переговоров министра иностранных дел Эстонии К. Сельтера с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым 24–25 сентября 1939 г. // От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. С. 139.

интересам Англии, ибо они сокращают возможный «лебенсraum» Гитлера. Если балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, то лучше, чтобы они включались в советскую, а не германскую государственную систему»⁶¹.

О потере государственной независимости стран Балтии речи, однако, не шло. На переговорах с литовской делегацией И. Сталин обозначил советскую позицию: никакого вмешательства во внутренние дела стран Балтии, никакой «советизации» не будет. «Если бы Литва попала в зону влияния немцев, в лучшем случае из Литвы был бы создан немецкий протекторат. Метод же большевиков состоит в том, чтобы не касаться независимости Литвы, охранять ее неприкосновенность с воздуха и поддерживать стабилизацию внутри. Если коммунисты начнут суетиться в Литве, то Советский Союз сумеет их образумить» – зафиксировал слова Сталина литовский посланник в Москве⁶². Неделей позднее советская сторона заверила литовскую делегацию в неизменности своей позиции: «Москва даже заинтересована, чтобы в балтийских государствах царили мир и порядок, но не возникали революция и гражданская война. Со своими коммунистами Литва может действовать по своему усмотрению» (док. № 21).

Несмотря на понятные опасения прибалтийских дипломатов⁶³, Кремль сдержал свое обещание. Размещение в странах Балтии советских войск существенно усилило позиции левых и коммунистических сил, а также протестные настроения⁶⁴, однако поддержки извне они не получили. Напротив, 14 октября 1939 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов указал временному поверенному в делах СССР в Литве Н.Г. Позднякову: «Всеякие заигрывания и общение с левыми кругами прекратите»⁶⁵. 21 октября 1939 г. Молотов повторил свое указание: «Всем работникам полпредства, в том числе и военному атташе, категорически воспрещаю вмешиваться во внутренние дела Литвы, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т. д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет за собой строжайшую кару на виновного. Имейте в виду, что договор с Литвой будет выполняться с нашей стороны честно и пунктуально. Того же будем требовать и от Литовского правительства. Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о «советизации» Литвы»⁶⁶. Аналогичную по содержанию телеграмму нарком иностранных дел отправил полпреду СССР в Эстонии: «Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этим настроениям «советизации» Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам»⁶⁷.

⁶¹ Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. М., 2009. Кн. 2. 4.1. С. 30.

⁶² Телеграмма посланника Литвы в Москве Л. Наткявичюса в МИД Литвы от 9 октября 1939 г. (на литовском языке) // Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940. T. 1. S. 216.

⁶³ Телеграмма посланника Литвы в Берлине К. Шкирпы в МИД Литвы от 9 октября 1939 г. (на литовском языке) // Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940. T. 1. S. 220–221.

⁶⁴ Заместитель главы французской миссии в Риге Ж. де Босс в конце сентября 1939 г. фиксировал в дневнике примеры роста леворадикальных настроений: «Много говорят о коммунистической пропаганде в Латгалии, где с известного времени наблюдается выраженная тенденция к автономии»; в Московском предместье Риги «рабочие требуют прихода русских и смены государственного строя» (Boss de Ž. Francu diplomāta piezīmes Latvijā. 1939–1940. Rīga, 1997.17., 18. lpp.). В свою очередь, в бюллетене Департамента госбезопасности МВД Литвы от 16 октября 1939 г. отмечалось: «События этих дней показали, что среди наших рабочих коммунистическая агитация находит себе неплохую почву. Влиянию коммунистов поддается немало и тех рабочих, которые раньше с коммунистической деятельностью ничего общего не имели. Один из наиболее заметных коммунистических деятелей, говоря о теперешнем настроении рабочих, проговорился, что сейчас рабочие так настроены, что сами рвутся на демонстрации. Дескать, если бы только коммунистическая партия имела лучше организованную сеть агитаторов, то ежедневно могла бы проводить по несколько демонстраций. Следует отметить, что такая оценка не слишком преувеличена» (Полпреды сообщают... С. 131.).

⁶⁵ Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Литве Н.Г. Позднякову от 14 октября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 123.

⁶⁶ Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Литве Н.Г. Позднякову от 21 октября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 140.

⁶⁷ Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину от 23 октября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 144.

Полторы недели спустя В.М. Молотов публично повторил этот тезис в выступлении на 5-й сессии Верховного Совета СССР: «Мы стоим за честное и пунктуальное проведение в жизнь заключенных пактов и заявляем, что болтовня о «большевизации» стран Балтии выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам» (док. № 28). Аналогичные заверения были даны и наркомом обороны К.Е. Ворошиловым во время выступления на параде 7 ноября 1939 г.: «Заключенные договоры с Эстонией, Латвией и Литвой улучшили стратегические позиции как нашего, так и этих государств. Наши части, размещенные, в соответствии с договором, в Эстонии, Латвии и Литве, являются только передовым постом на входе в Балтийское море и Советский Союз. Войска Советского Союза ни при каких обстоятельствах не будут вмешиваться во внутреннюю жизнь Эстонской, Латвийской и Литовской республик» (док. № 27).

Слова не расходились с делом, демонстрация лояльности прибалтийским властям порою принимала невероятные формы. Согласно информации латвийской разведки, например, в октябре-ноябре 1939 г. «были случаи, когда местные коммунисты обращались к большевикам в Ново-Вильне с жалобами против литовских учреждений. Большевики их арестовывали и передавали литовской полиции» (док. № 45). Арест в декабре 1939 г. лидеров литовской компартии во главе с первым секретарем А. Снечкусом⁶⁸ также не вызвал какого-либо протеста Москвы.

Разумеется, размещение советских войск в Эстонии, Латвии и Литве далеко не у всех в этих странах вызвало восторженные оценки. Однако официальные представители стран Балтии, в том числе и в своем узком кругу, вынуждены были признавать корректность поведения советской стороны и определенные материальные выгоды от размещения баз. Именно такая оценка действий советской стороны была высказана на закрытом совещании послов стран Балтии 28 ноября 1939 г. в Париже: «Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений и не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латыша также нет никаких неблагоприятных известий о русских»⁶⁹.

На протяжении поздней осени 1939 – весны 1940 гг. изрядная часть времени прибалтийских дипломатов в Москве уходила на обсуждение с советскими властями различных технических вопросов, связанных с пребыванием в республиках советских воинских частей и строительства на отведенных территориях военных объектов (док. № 31, 32, 35, 37, 44, 48, 49, 50). Для Латвии важной темой стало также обсуждение вопроса о предоставлении СССР вооружений и военных материалов для латвийской армии в соответствии с п. 2 советско-латвийского договора о взаимопомощи (док. № 25, 70, 79). Все эти вопросы решались в процессе равноправного двустороннего диалога; прибалтийским дипломатам не приходилось жаловаться на давление советской стороны. Документы опровергают мнение некоторых современных исследователей о том, что в этот период «Эстония и Латвия были практически оккупированы»⁷⁰. Напротив, страны Балтии на этом этапе выполняли роль «витрины» советской мирной политики.

Публикуемые документы показывают ревность, с которой латвийские и литовские дипломаты относились к своим эстонским коллегам, активнее демонстрировавшим готовность сотрудничать с Советским Союзом. Состоявшийся 7-12 декабря 1939 г. визит в Москву эстонской военной делегации во главе с главнокомандующим эстонской армии генералом Й. Лайдонером вызвал у латвийского посланника Ф. Коциньша очевидное раздражение. «Эстония

⁶⁸ *Tininis V. Sniečkus: 33 metai valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža). Vilnius, 2000. P. 34.*

⁶⁹ Сообщение посланника Литвы в Париже П. Климаса в МИД Литвы от 29 ноября 1940 г. // СССР и Литва... Т. 1. С. 364.

⁷⁰ *Дюллен С. Уплотнение границ: К истокам советской политики, 1920-1940-е. М., 2019. С. 346.*

следовала своей традиционной тактике быстро приспосабливаться к новым обстоятельствам, т. е. кто рано встает, тому бог подает», – язвительно писал он, отмечая, что «поездка генерала Лайдонера в смысле времени, когда братский эстонцам народ борется в тяжелых боях, не была удачно избрана, в свою очередь для Советского Союза очень уместна» (док. № 40).

Визит эстонской военной делегации в Москву происходил на фоне советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 – март 1940 г.), ставшей испытанием для отношений Советского Союза и стран Балтии. Латвийский посланник в Москве с пониманием оценивал действия СССР: «Молотов начал переговоры с Финляндией, которые, по убеждению русских, следовало тем или иным путем привести к быстрому и благожелательному разрешению. Терпение Советского Союза к достижению поставленной цели действительно не было малым и, если верить предоставленной мне 30 ноября с. г. послом Германии графом Шуленбургом информации, Сталин даже был готов отступить от требований базы «Хангё», если правительство Финляндии согласится на аренду двух островков в заливе Хангё. Есть глубокая истина в утверждениях Сталина и Молотова генералу Лайдонеру, что русские хотели достичь соглашения мирным путем» (док. № 36).

Однако публичная позиция прибалтийских дипломатов, воздержавшихся при голосовании в Лиге Наций по вопросу исключения СССР из этой организации за вторжение в Финляндию, оказалась не слишком приятной для Москвы. Как констатировал латвийский посланник в Москве, «если в беседе с Молотовым последний показывал лишь недовольное лицо об участии Балтийских государств в последнем заседании Лиги Наций, то Потемкин открыто сказал, что новые «sojuznički rodkačali» Советскому Союзу. Потемкин упрекнул также отношение прессы Литвы к конфликту Советского Союза и Финляндии» (док. № 43).

В Кремле не знали, что вопреки советско-латвийскому договору о взаимопомощи отдел радиоразведки латвийской армии оказывал практическую помощь финской стороне, передавая финнам перехваченные радиোগраммы советских воинских частей⁷¹. Аналогичную помощь Финляндии предоставляли и эстонские военные⁷². Причиной подобного поведения, судя по всему, был не оправдавшийся расчет на британское и французское вмешательство в советско-финскую войну – ведь уже в начале января 1940 г. латвийские дипломаты были информированы о планах союзников совершить воздушное нападение на нефтепромыслы в Баку (док. № 46). Впрочем, одновременно латвийская верхушка сохраняла негласные контакты с нацистами. В ноябре 1939 г. состоялась встреча главнокомандующего латвийской армии К. Беркиса и начальника штаба армии Х. Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отделов абвера А. Целлариусом⁷³.

Передачей разведанных противникам СССР дело не ограничивалось. В латвийском Генштабе разрабатывались варианты действий, которые эвентуально могли бы применяться для блокирования советских военных баз, расположенных на ее территории^ также перекрытия прибрежных районов Рижского залива⁷⁴. Аналогичные планы разрабатывались и литовскими военными⁷⁵. К настоящему времени, однако, остается неизвестным, насколько обо всей этой противоречившей договорам о взаимопомощи деятельности и планах против СССР было известно в Кремле.

⁷¹ Ščerbinskis V. Ziemas karš un Latvija 1939–1940 // Militārais apskats. 1999. Nr. 2. 92. – 94. lpp.

⁷² Ильмярв М. Безмолвная капитуляция... С. 550.

⁷³ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berkis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 138. lpp.

⁷⁴ Кабанов Н. Н. Генерал и его план. Можно ли было защитить Ригу от удара с моря в 1939 году? // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 34–38; Кабанов Н. Н. Что рассказали и скрыли мемуары штурмбаннфюрера Хазнерса // Вести сегодня. 2013. 13 марта. URL: <http://vesti.vesti.lv/culture/theme/history/75413-cto-rasskazali-i-skryli-memuary-shturmbannfjurer-haznersa.html> (дата обращения – 12.04.2019).

⁷⁵ Jokuhauskas V. Lietuvos kariuomenės „R“ planas (1939–1940 m.) // Istorija. Mokslo darbai. 93 tomas. Vilnius, 2014.

Раздражающим фактором для Москвы стала попытка стран Балтии оживить деятельность т. н. «Балтийской Антанты» путем проведения как секретных консультаций политического и военного характера, так и с помощью более формализованных координационных мероприятий. Состоявшаяся 14–16 марта 1940 г. в Риге конференция «Балтийской Антанты» вызвала настороженность советской стороны (док. № 75) и дала повод Москве заподозрить тайное присоединение Литвы к эстонско-латвийскому военному союзу.

Тем не менее отношения Москвы со странами Балтии оставались вполне корректными, что неоднократно отмечалось прибалтийскими посланниками в Москве (док. № 82, 84, 85, 86, 88). Советское руководство шло на уступки этим странам в экономических вопросах (док. № 92), обсуждало вопросы о предоставлении вооружений и военного оборудования латвийской, литовской и эстонской армиям⁷⁶.

Однако в мае 1940 г. ситуация принципиальным образом изменилась. Причиной тому стало, во-первых, радикальное изменение геополитической ситуации в Европе и, во-вторых, действия литовских властей.

Как уже упоминалось, в соответствии с советско-германским соглашением от 28 сентября 1939 г. Литва была передана в советскую зону влияния. При этом в секретном дополнительном протоколе было зафиксировано, что «как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов... литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит Германии»⁷⁷.

Подписанный 10 октября 1939 г. советско-литовский договор о взаимопомощи, однако, не имел отношения к оговоренным в секретном дополнительном протоколе «особым мерам»: никаких претензий на часть территории Литвы германской стороной предъявлено не было⁷⁸.

Ситуация складывалась не вполне понятная. С одной стороны, советско-германские договоренности относили Литву к советской сфере влияния и признавали право СССР на применение в Литве неких «особых мер». С другой стороны, в случае применения этих «особых мер» часть территории Литвы должна была быть передана Германии. При этом германское руководство проводило по отношению к Литве политику, отличавшуюся от той, что проводилась по отношению к другим странам Балтии. Уже в октябре 1939 г. было объявлено о проведении массовой репатриации балтийских немцев из Латвии и Эстонии; из Литвы же никакой репатриации немцев не проводилось. Между тем именно немецкие национальные меньшинства были одним из традиционных инструментов экспансии Берлина, использовавшимся и при расчленении Чехословакии, и при отторжении Клайпеды от Литвы. Советское полпредство в Литве дало следующую оценку ситуации: «Отказ от репатриации немцев из Литвы... показывает, что Германия хочет сохранить здесь свои кадры. Проведенная работа по регистрации немцев в Литве была использована немцами для вербовки агентуры (сведения военного атташе тов. Коротких). Отказ от репатриации оценивается в Литве положительно»⁷⁹.

Литовский историк Ч. Лауринавичюс отмечает, что подобные странности способствовали формированию у литовского руководства сомнений относительно содержания советско-германских договоренностей. «Хотя осенью 1939 г. стало очевидно, что страны Балтии попали в сферу влияния Советского Союза, однако в отношении Литвы полной ясности не было. Главным образом потому, что согласно секретному дополнительному протоколу к пакту Молотова-Риббентропа, подписанному 28 сентября 1939 г., часть литовской территории оста-

⁷⁶ Мельтохов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940). С. 193–229.

⁷⁷ Секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. // Полпреды сообщают... С. 61.

⁷⁸ О том, что «вопрос о выравнивании границы на настоящий момент не актуален», Берлин проинформировал литовское руководство еще 5 октября 1939 г. Впоследствии текст врученного литовской стороне сообщения был передан германскими дипломатами руководству НКВД СССР (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 95).

⁷⁹ Обзорная записка о внешней политике Литвы, подготовленная временным поверенным в делах СССР в Литве В.С. Семёновым, 3 июня 1940 г. // Полпреды сообщают... С. 345.

валась за Германией. Поскольку литовскому руководству это обстоятельство стало известно (Сталин сам сказал об этом Урбшису), то появились предположения, что Германия полностью от Литвы не отказалась... В Каунасе и впрямь могли засомневаться по поводу того, в чьей же на самом деле сфере влияния находится Литва»⁸⁰. Это наблюдение подтверждается действиями посла Литвы в Москве Л. Наткявичюса. Его поведение никак не напоминало поведение представителя подчиненной страны. Начиная с конца 1939 г. литовский посол постоянно обращался в НКВД СССР со все новыми и новыми заявлениями, требовавшими оперативного разрешения⁸¹. В беседах со своими прибалтийскими коллегами литовский посланник в Москве намекал, что «положение Литвы немного отличается от прочих Балтийских государств, ибо у Литвы есть общая граница с Германией, поэтому естественно, что оба государства выказывают наибольшую заинтересованность в Литве» (док. № 71).

В этой ситуации президент Литвы А. Сметона предпочел ориентироваться на Германию. О настроениях литовского президента свидетельствуют слова, сказанные им во время беседы с британским посланником в Каунасе Т. Престоном: «Гитлер будет уважать частную собственность, если он войдет маршем в Литву. Советский Союз, напротив, конфискует собственность и откроет в сельской местности колхозы... Что мы в этих условиях можем сделать, кроме как вручить наши судьбы Германии?»⁸². В феврале 1940 г. начальник Департамента госбезопасности МВД Литвы А. Повилайтис совершил поездку в Берлин, где в ходе встреч с высокопоставленными представителями РСХА по заданию А. Сметоны зондировал вопрос о возможности установления германского протектората над Литвой⁸³. Стоит отметить, что этот зондаж осуществлялся не по дипломатическим каналам, так как большинство членов литовского кабинета министров не разделяло прогерманских симпатий президента⁸⁴. Действия Сметоны были чрезвычайно рискованными; благодаря наличию агента советской разведки в руководстве литовского Департамента госбезопасности, информация о визите Повилайтиса в Берлин очень скоро стала известна Москве⁸⁵.

К марту-апрелю 1940 г. действия Германии вызывали у Кремля все большие опасения. Охлаждение советско-германских отношений, в частности, отмечалось на состоявшемся 6 апреля совещании посланников стран Балтии: «Представляя взаимную информацию о наблюдениях за отношениями Советского Союза и Германии, единодушно высказывались, что по заключении мира [между] Финляндией и Советским Союзом в отношениях наступила известная сдержанность со стороны Советского Союза» (док. № 85).

Возможно, советское руководство в создавшейся ситуации и не стало бы предпринимать чрезвычайных мер в отношении стран Балтии, однако вскоре Германия начала наступление на Западе. Стремительные успехи германских войск стали неприятным сюрпризом для Кремля. «Быстрое наступление Германии, не считающейся с международным правом и договорами, разрушающей по пути все, мешающее достижению целей, и неожиданно большие успехи на полях войны вызывают глубокие раздумья не только в дипломатическом корпусе, но также, насколько заметно, повлияли на настроение правительства и общества Советского Союза», – констатировал 23 мая 1940 г. латвийский посланник в Москве (док. № 97).

⁸⁰ *Лауришавичюс Ч.* Литва в кризисные 1938–1940 годы: внешние и внутренние проблемы // Трагедия Европы. От кризиса 1939 года до нападения на СССР. Мюнхен, 2013. С. 159–160.

⁸¹ Там же. С. 160.

⁸² *Myllyniemi S.* Baltian Kriisi, 1938–1941. Helsinki, 1977. P. 198.

⁸³ *Ильмпрэ М.* Безмолвная капитуляция... С. 615–1617; *Дембски С.* Между Берлином и Москвой. С. 267–268; *Дюков А.Р.* Протекторат «Литва». С. 223–226. См. также: *Дюков А.Р.* Тайное соглашение с гестапо. Следственные показания А. Повилайтиса, начальника госбезопасности Литвы. М., 2019 (готовится к печати).

⁸⁴ *Дюков А.Р.* Протекторат «Литва». С. 99, прим. 228.

⁸⁵ Там же. С. 30–34.

Советское руководство уделяло прибалтийскому «плацдарму» все большее внимание. Ф. Коциньш сообщал в МИД Латвии: «Советский Союз внимательно следит за политическими настроениями в Балтийских государствах, чтобы не произошел перелом в отношении к Советскому Союзу, особенно сейчас, когда перевес Германии заметней день ото дня. Что в Литве наблюдаются известные признаки, это вовсе не большая тайна. Несколько двусмысленно дал понять литовский посланник Наткявичюс, что положение Литвы особенное, – ей нужно ориентироваться как на Германию, так и на Советский Союз» (док. № 100).

19 мая 1940 г. у советского руководства еще сохранялись надежды на то, что «французская армия не сказала своего последнего слова» (док. № 95). Однако буквально несколько дней спустя германские войска, сломив сопротивление французских и британских войск, вышли к Ла-Маншу. Литовский военный атташе в Германии Казне Гринюс вспоминал: «Когда пришли первые сведения о возможной капитуляции Франции, полк. Скорняков [помощник по авиации военного атташе при полпредстве СССР в Германии, резидент военной разведки] как раз был у меня, в Посольстве. Услышав новость, он встал как истукан. Он ушел, ничего не сказав, забыл даже фуражку...»⁸⁶.

После победы Германии на Западе в Кремле сочли, что проблему прибалтийского «плацдарма» надо решать как можно скорее – до того, как руки у Берлина окажутся развязанными. 25 мая 1940 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов сделал послу Литвы в Москве неожиданное резкое заявление в связи с исчезновением военнослужащих из дислоцировавшихся в республике советских военных частей⁸⁷. В течение следующих нескольких недель советская сторона непрерывно наращивала дипломатическое давление на литовское руководство (док. № 103). Показательно, что к Латвии и Эстонии претензий у советского руководства не возникло; состоявшийся 2–9 июня 1940 г. визит в Москву латвийской военной делегации во главе с военным министром, главнокомандующим латвийской армией К. Беркисом не был омрачен какими-либо советскими демаршами (док. № 105, 106, 107).

14 июня 1940 г. советское правительство предъявило Литве ультиматум, в котором требовалось привести к власти дружественное Москве правительство и допустить на территорию страны новые контингенты советских войск. 16 июня аналогичные ультиматумы были предъявлены Латвии и Эстонии. Под угрозой силы советские требования были приняты, сопротивления дополнительному вводу советских войск, проходившему 15–21 июня, оказано не было⁸⁸; по прибалтийским городам прокатились массовые митинги в поддержку смены режимов. Власти, включая президентов К. Улманиса и К. Пятса, а также и. о. президента Литвы А. Меркиса, в целом сотрудничали с советскими представителями (А. Сметоне удалось бежать в Германию). С 21 июня управление 11-й армии разместилось в Каунасе, 3-й армии – в Риге, 8-й армии – в Тарту, при этом командованию по-прежнему запрещалось вмешиваться в политику⁸⁹. Политическими аспектами выполнения советских требований занялись специальные представители в статусе уполномоченных правительства СССР: В. Г. Деканозов (в Литве), А. Я. Вышинский (в Латвии) и А. А. Жданов (в Эстонии).

Переход Москвы от политики невмешательства во внутренние дела стран Балтии к прямому и агрессивному давлению носил характер поспешной импровизации. Российский историк Н.С. Лебедева первой обратила внимание, что 23 мая 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об эвакуации в Литву литовского населения пограничных с Литвой районов

⁸⁶ Памятная записка литовского военного атташе в Германии К. Гринюса (без даты, на литовском языке) // Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / Red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 2. P.

⁸⁷ Lietuvos Respublikos užsienio politika. T. 2. P. 37–38; Полпреды сообщают... С. 331.

⁸⁸ См., напр.: *Донгаров А. Г.* СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.). С. 139–141. Подробнее о подготовке и вводе советских войск в Прибалтику летом 1940 г. см.: *Мельтохов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940). С. 291–456.

⁸⁹ *Мельтохов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940). С. 452.

Белоруссии⁹⁰. Как справедливо замечает Н.С. Лебедева, подобное решение «было бы бессмысленным, если бы к этому времени уже приступили к реализации плана инкорпорации Литвы в СССР»⁹¹; по этой причине оно позднее и было отменено. Однако 23 мая эвакуация литовцев в независимую Литву еще не была бессмысленной; следовательно, к этому моменту в Кремле еще не собирались изменять свою политику в отношении Литвы⁹².

Современные исследователи практически единодушно связывают действия советских властей с победами Германии на Западном фронте, расходясь лишь в нюансах. Эстонский историк М. Ильмярв осторожно отмечает, что за решением Кремля стояли не только политические («советизация» Прибалтики), но и военно-стратегические соображения: «В агентурных докладах военной разведки Советского Союза весной 1940 г. неизменно повторялось: несмотря на договор о ненападении Германия не отказалась от намерений вторгнуться на Восток... Начавшееся 10 мая нападение немцев на Францию стало поводом для оккупации стран Балтии. А успех Германии на Западном фронте способствовал оперативной подготовке и проведению военной операции Советским Союзом... Цель советской военной операции состояла не только в большевизации стран Балтии»⁹³. Российский исследователь А.Г. Донгаров уточняет, что политическая неподготовленность советской силовой акции в Прибалтике «как нельзя лучше свидетельствует о неоспоримом приоритете военно-стратегических задач СССР на прибалтийском направлении над задачами политическими, вроде “советизации”»⁹⁴. В другом месте он отмечает: «За инсценированной в значительной степени озабоченностью Москвы действиями прибалтийских правительств стоял вполне реальный ужас перед Германией. На фоне блестящих побед германского оружия в Западной Европе недоверие и подозрительность в отношении подневольных прибалтийских союзников резко усилились. Этому в немалой степени способствовали донесения с мест»⁹⁵. В свою очередь, польский исследователь С. Дембски констатирует: «СССР был вынужден аннексировать балтийские государства. В противном случае стремившиеся избавиться от советского протектората Эстония, Латвия и Литва могли стать разменной монетой в руках Гитлера»⁹⁶.

Аналогичной точки зрения придерживаются и другие исследователи. «Германские победы, кардинальным образом изменившие ситуацию в Европе, не на шутку встревожили советское руководство, – пишет Н.С. Лебедева. – Расчеты Сталина на длительное противоборство двух блоков не оправдались. В скором времени рейх должен был завершить разгром Франции и нейтрализовать Великобританию. Тогда все советско-германские договоренности могли быть забыты Берлином. В Кремле сочли, что наступает самый благоприятный момент, возможно последний шанс для присоединения к Советскому Союзу территорий, которые по секретным протоколам августа – сентября 1939 г. были включены в сферу интересов СССР»⁹⁷. Академик А.О. Чубарьян обращает внимание на военно-стратегические аспекты проблемы:

⁹⁰ Пункт 186 протокола № 16 (Особые папки) решений Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 мая 1940 г. // СССР и Литва... Т. 1. С. 521–522. Представляется небезынтересным тот факт, что региональные власти немедленно приступили к выполнению этого постановления. См., напр.: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16720. Л. 44.

⁹¹ Лебедева Н. Германия и присоединение Литвы к СССР // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 254.

⁹² Стоит отметить, что 26 мая 1940 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов проинформировал литовского посла Л. Наткявичюса о принятом решении об эвакуации в Литву проживающих в пограничных районах БССР литовцев (док. № 103). Таким образом, даже после заявления от 25 мая решение об инкорпорации Литвы в состав СССР еще не было принято. С ходатайством об отмене постановления Политбюро о проведении эвакуации проживавших в БССР литовцев глава НКВД СССР Л.П. Берия выступил лишь 26 июля 1940 г. (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 181). 29 июля 1940 г. решение об эвакуации было отменено постановлением Политбюро (Там же. С. 180).

⁹³ Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. С. 595–596.

⁹⁴ Донгаров А.Г. СССР и Прибалтика. С. 145.

⁹⁵ Там же. С. 126.

⁹⁶ Дембски С. Между Берлином и Москвой. С. 279.

⁹⁷ Лебедева Н. Германия и присоединение Литвы к СССР. С. 254.

«Для Сталина были неясны намерения Гитлера после победы над Францией: обратится ли он к подготовке вторжения в Великобританию или примет какие-либо иные решения. После захвата Германией практически большей части Европы и усиления хотя и скрытых, но очевидных для Москвы противоречий с Германией перед советскими лидерами все более вставал вопрос о безопасности страны и о создании более благоприятных условий на случай столкновения или даже войны с Германией. И в этом плане Сталин явно стремился продвинуться на запад и предотвратить германское проникновение, преобладание или даже захват Прибалтики»⁹⁸. Схожей точки зрения придерживается и Е.Ю. Зубкова: «После того, как Германия захватила Норвегию и Данию и взялась за Францию, Сталин решил, что пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией»⁹⁹.

Размышления историков совпадают с оценками современников тех событий. Примерно за две недели до предъявления Москвой ультиматума Каунасу начальник восточноевропейского департамента МИД Великобритании У. Стрэнг дал следующую оценку происходящего: «Русские, кажется, дрожа от страха вследствие неожиданного для них успеха немцев, уже исподволь, видимо, начинают придирааться к прибалтийским государствам, на этот раз начиная с Литвы, чтобы при необходимости собственными большевикам методами можно было бы оправдать эвентуальную оккупацию Прибалтики, исходя из параллели – если бы англичане раньше оккупировали Голландию и Бельгию, а также Норвегию и Данию, им легче было бы бороться с Германией, будучи ближе к ее границам, чем теперь»¹⁰⁰. Эта оценка британского дипломата практически дословно совпадает с позднейшей оценкой литовского военного атташе в Германии полковника К. Гринюса, писавшего: «Со стратегической точки зрения намерения Москвы [в Прибалтике] были ясны: когда Франция рухнула, русские поспешили, пока еще не поздно, продвинуть свой передовой плацдарм как можно дальше на Запад, тем самым увеличить пространство своей стратегической безопасности (в оборонительном варианте)»¹⁰¹. С успехами Германии в войне на Западе связывал советские действия и посол Литвы в Москве Л. Наткявичюс: «в связи с немецкими успехами русские нервничают» (док. № 103).

Аналогичное объяснение действий Москвы было дано также наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым на встрече с членом «народного» правительства Литвы министром иностранных дел В. Креве-Мицкявичюсом 30 июня 1940 г. Молотов объяснил ультиматум 14 июня 1940 г. тем, что «Сметона обращался к немецкому правительству, чтобы то ввело в Литву немецкую армию... Поэтому советское правительство было вынуждено предпринять соответствующие шаги, поскольку не хотело повторить ошибок французов, не пожелавших в свое время оккупировать Бельгию. Если бы французы сделали это, сила всей немецко-французской кампании была бы совершенно другая»¹⁰².

Однако наиболее четкое объяснение советской политики в Прибалтике летом 1940 г. было дано не привыкшими к осторожности дипломатами и даже не военными, а чекистом – первым заместителем наркома НКВД СССР В.Н. Меркуловым. В частной беседе с главой компартии Литвы А. Снечкусом Меркулов объяснил: «Сталин рассматривает балтийские государства как трамплин, который нужен немецким стратегам для прорыва на Ленинград, захвата этого города, соединения с финнами... Если в балтийских государствах будут даже друже-

⁹⁸ Чубарьян А.О. Канун трагедии. С. 260–261.

⁹⁹ Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. С. 77.

¹⁰⁰ Памятная записка советника посольства Литвы в Лондоне Г. Рабинавичюса о беседе с ответственным работником Форин Офис У. Стрэнгом, 3 июня 1940 г. // СССР и Литва... Т. 1. С. 538–539.

¹⁰¹ Памятная записка литовского военного атташе в Германии К. Гринюса (без даты, на литовском языке) // Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / Red. T. Remeičis. Vilnius, 2009. Т. 2. Р. 278.

¹⁰² Krėvė V. Bolševikų invazija ir liaudies vyriausybės: atsiminimai. Vilnius, 1992. Р. 14–15.

ственные нам правительства, то в тот день, когда сложится невыгодная для нас обстановка в Европе, немцы при помощи своей «пятой колонны» организуют в этих странах восстания и с помощью диверсантов и какой-то части местных вооруженных сил нападут на базы Красной Армии, блокируют или уничтожат их и через 48 часов будут стоять под Ленинградом... Если же балтийские государства станут частью СССР, то нападение на них уже не будет казаться немцам незначительной авантюрой, а будет началом большой войны. А к этому Гитлер еще не готов. Короче говоря, принятие балтийских государств в состав СССР отодвинет начало войны как минимум на год, на два»¹⁰³.

Катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся одним из столпов Версальского мира и самым серьезным военным противником Гитлера на Западе, не только не оставляло иллюзий о дальнейшем разворачивании нацистской агрессии, но и стало катализатором встречных геополитических изменений. Это привело к введению сначала в Литву, а потом и в остальные страны Балтии дополнительных контингентов советских войск и формированию «народных» правительств. Последовавшее за этим включение Прибалтики в состав СССР стало радикальным решением проблемы «плацдарма», мучавшей советское руководство без малого два десятилетия.

¹⁰³ *Славинас А. Гибель Помпеи. Записки очевидца. Тель-Авив, 1997. С. 237.*

Археографическое предисловие

В сборник включены 108 документов, охватывающих период с 8 июля 1939 г. по 11 июня 1940 г. Корпус публикуемых депеш включает в себя два дела из Государственного исторического архива Латвии, входящего в состав Национального архива Латвии¹⁰⁴. Абсолютное большинство отложившихся в них документов впервые публикуется в полном виде. Документы представляют собой оригиналы и копии материалов дипломатического и разведывательного характера, а также тексты речей официальных лиц, сопроводительные записки и т. д., направленные в Ригу по дипломатической почте. Дипломатическая переписка включает в себя сообщения, докладные записки, обзоры, отчеты о беседах, политическое письмо.

Публикуемый массив документов как по тематике, так и по персоналиям служит логическим продолжением ранее подготовленных ответственным составителем сборника документальных публикаций¹⁰⁵. Однако данная подборка существенно превосходит предыдущие по числу записей бесед с первыми лицами Советского государства – Сталиным, Молотовым, Калининим. Отложившиеся в этих же делах документы, относящиеся к литовско-советским и эстонско-советским отношениям, позволяют оценить, насколько не едины были и между собой балтийские страны.

Предлагаемые читателям документы, относящиеся в основном к секретному делопроизводству Министерства иностранных дел Латвии 1939–1940 гг., составляют два дела из фонда 2574 Государственного исторического архива Латвии. Как свидетельствуют формуляры к делам, ранее они находились в архиве Министерства иностранных дел СССР, где не были востребованы ни разу. За все время пребывания в Латвии, судя по архивному формуляру, кроме ответственного составителя, с ними ознакомился только один исследователь.

В настоящем издании документы публикуются полностью в переводе на русский язык; в случае, если приложения к ним не приводятся, это оговаривается в примечаниях. Документы снабжены порядковыми номерами и редакционными заголовками. Заголовок состоит из следующих элементов, расположенных в определенном порядке: год, месяц, число, место написания, разновидность, автор, адресат, краткое содержание. При первом упоминании автора или адресата в заголовке указываются также его должность, звание, в последующем только фамилия и инициалы.

При публикации сохраняется формуляр документа, включая обращение к адресату, гриф секретности, расчет рассылки и т. д.

В конце каждого документа имеется легенда с указанием места его хранения и других необходимых атрибутов. Указание вида документа дается в соответствии с делопроизводственной терминологией, принятой во время его составления, но с учетом современных реалий, а также результатов анализа содержания и оформления депеши.

Расположены документы в хронологическом порядке (за исключением № 42, идущего после сопроводительной записки, написанной позднее), снабжены текстуальными примечаниями и, в отдельных случаях, комментариями по содержанию. Документы за одно и то же число идут в порядке последовательности их регистрации. При отсутствии даты на документе, она

¹⁰⁴ Государственный исторический архив Латвии (Latvijas Valsts vēstures arhīvs, далее ГИАЛ). Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7390; Д. 7391.

¹⁰⁵ Кабанов Н.Н. Латыш при дворе Сталина: Депеши посланника Латвии в СССР Алфредса Билманиса за период с января 1933 по февраль 1934 года. Рига, 2016; Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935–1937 гг. Документы и материалы / Авт. – сост. Н.Н. Кабанов; Под ред. В.В. Симиндея. М., 2016; Кабанов Н.Н. Миссия Латвии в Стокгольме: Архивы латвийской дипломатии о Скандинавии, Прибалтике, СССР и Германии в 1939–1940 гг. // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том XIX. М., 2016.

установлена (точно или приблизительно) в результате исследования содержания самого документа и других источников; отсутствие полных данных оговорено в квадратных скобках.

Документы, опубликованные в сборнике, рассекречены. Почти все документы (кроме № № 44, 54, 89, 99 и 101) при их создании получили грифы секретности (*конфиденциально, секретно, совершенно секретно*), большинство имеют исходящие буквенно-цифровые или цифровые номера, например, 18/sl¹⁰⁶ или 890/350. Нумерация проставлялась непосредственно перед отправкой документов адресату, осуществлявшейся, как правило, несколько раз в месяц. В этой связи могла нарушаться согласованность нумерации с датами подготовки документов, которые указывались сразу при написании текста.

Материалы подготовлены в машинописном виде. Большинство документов выполнены на латышском языке (за исключением №№ 44, 54, 99 и 101, отпечатанных на русском); если же в тексте встречаются фразы по-русски в латышской транслитерации, то в примечаниях об этом указывается, дается их написание на кириллице. Вставки в латышском тексте на английском и др. языках публикуются на языке вставки с переводом в примечании.

В подавляющем большинстве приведены оригиналы латвийских дипломатических документов, для которых характерен двойной гриф типографского исполнения бланка – на латышском и французском языках; в некоторых случаях заверенная копия.

При работе над переводом и оформлением архивных бумаг мы старались максимального малых деталей, воспроизвести разного рода пометы, сделанные в процессе документооборота. С одной стороны, это позволяет определить степень важности, с которой официальная Рига воспринимала сообщения из Москвы, тот интерес, который министр иностранных дел В. Мунтерс питал к тем или иным аспектам. Реплики и резолюции с инициалами «В.М.» показывают, если так можно выразиться, работу мысли руководителя латвийской дипломатии.

На ряде представленных в подборке документов имеются пометки «Б» и «Р», что означает обязательное информирование о полученной из Москвы информации миссий Латвии в Берлине и Риме. Думается, нет повода сомневаться в том, что латвийские дипломаты в столицах Оси так или иначе осведомляли внешнеполитические ведомства нацистской Германии и фашистской Италии о свежих впечатлениях посланника в СССР Фрициса Коциньша и его коллег. Таким образом, эксклюзивная информация латвийской миссии по ряду параметров дополняла сведения германского дипломатического аппарата и легальной резидентуры Абвера, находившихся под плотным колпаком советской контрразведки и потому, в определенной мере, скованной в действиях.

Направленность, характер и стиль выполнения ряда информации латвийской миссии далеко превосходят скромные оборонительные потребности армии Латвии, и позволяют предположить, что с ее позиций осуществлялась разведывательная деятельность в пользу третьей стороны¹⁰⁷. С учетом того, что в июне 1939 г. Латвия и Германия заключили договор о ненападении (с до сих пор официально не признанной, но по ряду документальных источников установленной секретной клаузулой), истинным выгодополучателем глубокой информационно-аналитической работы миссии Латвии в СССР очевидно является Третий Рейх. Обзоры о ходе мобилизации осенью 1939 г., настроениях в тылу во время «Зимней войны» с Финляндией зимой 1939–1940 гг., вполне могли бы стать информационными «кирпичиками» в фундамент вызревавшего в начале 1940 г. плана «Барбаросса».

При передаче текста документов сохранены особенности языка и стиля их авторов, но в соответствии с правилами современной орфографии. В необходимых случаях при написании имен собственных использовалась буква «ё». Погрешности текста (описки, опечатки, явные

¹⁰⁶ Сокращение в исходящих номерах «sl.» указывает на статус секретности документа (от лат. *slēpeni* — секретно).

¹⁰⁷ Стоит напомнить, что посланник Латвии в Москве Ф. Коциньш до перехода на дипломатическую работу 13 лет прослужил в разведывательном отделе штаба Латвийской армии, а в 1932–1936 гг. занимал пост военного атташе в Каунасе (см.: Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935–1937 гг. С. 41).

орфографические ошибки и др.), не имеющие смыслового значения, исправлены без оговорок. Ошибки в названиях населенных пунктов также исправлены без оговорок, тогда как неправильное или особенное написание фамилий отражено в примечаниях. Аббревиатуры и сокращенные названия учреждений, должностей, званий и т. д. в тексте сохранены, их расшифровка дана в *Списке сокращений*. Обозначение номеров, указываемое в тексте документов как «N» или «Nг», передано в общепринятом варианте – «№». Все рукописные пометы, резолюции, подписи, подчеркивания, исправления подробно отражены в примечаниях и по возможности расшифрованы. Пометы и резолюции для удобства восприятия читателем воспроизводятся по ходу повествования.

В массиве сообщений упомянуты более двухсот персон, известных нынешнему читателю лишь понаслышке, а порой совершенно незнакомых даже историку-профессионалу, если только предметом его специального интереса не является история дипломатии конца 1930-х гг. Поэтому при составлении данного сборника нами было обращено внимание на сжатые, но в то же время основательные сведения об этих людях, составлявших, без преувеличения, элиту того времени (см. *Аннотированный именной указатель*). В текстуальных комментариях также даны краткие пояснения о существовавших в тот период международно-правовых документах, встречающихся терминах, названиях и т. д.

Научно-справочный аппарат публикации представлен вводной статьей, археографическим предисловием, текстуальными комментариями и примечаниями, перечнем публикуемых документов, списком сокращений, аннотированным именным указателем.

Вводная статья, археографическое предисловие и комментарии к документам подготовлены А.Р. Дюковым, Н.Н. Кабановым и В.В. Симиндеем. Аннотированный именной указатель подготовлен Н.Н. Кабановым и В.В. Симиндеем. Перевод документов с латышского языка выполнен Н.Н. Кабановым и В.В. Симиндеем.

Составители сборника выражают признательность сотрудникам Государственного исторического архива Латвии и лично его директору Н. Рыжову за поддержание высоких стандартов работы с исследователями и хранящимися архивными документами. Мы также чрезвычайно признательны заместителю директора по научной работе Института российской истории РАН д.и.н. С.В. Журавлеву и ведущему научному сотруднику Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН д.и.н. И.А. Хормач за многочисленные замечания, способствовавшие существенному улучшению сборника.

Документы

№ 1

1939 г., июля 8, Москва. – Отчет посланника Латвии в СССР Ф. Коциньша министру иностранных дел Латвии В. Мунтерсу о совещании посланников Балтийских государств

Секретно

Москва, 8 июля 1939 г.

№ *)sl./72*)¹

*)O. *)²

Высокопочтимоу господину В. Мунтерсу,

Министру иностранных дел

Высокопочтимый господин министр,

6 июля с. г. состоялось у посланника Литвы очередное совещание посланников Балтийских государств.

Посланник Литвы Наткявичус, который только что вернулся из информационной поездки в Каунас³, доложил о настроении в Литве. Настроение было нервным. Рассказывали, что литовское общество в целом не понимает нынешней политической ситуации и допускает, что Советский С[ою]з может быть тем, кто спасет Литву от возможной немецкой агрессии. В Литве мало делается, чтобы эту опасную иллюзию рассеять. Был напуган, что Литва в нынешней политической комбинации будет искусственно отделена от прочих Балтийских государств. Остается впечатление, что великие державы считают Польшу естественным защитником Литвы; также общество начинает к этим мыслям привыкать.

По тому же вопросу высказывался и посланник Эстонии Рей, который все же характеризовал положение в более светлых тонах. Правительство Эстонии в последнее время уделяло большое внимание тому, чтобы воспитать в обществе представления об ужасах, которые могут народу угрожать со стороны большевиков.

Как эстонский, так и литовский посланники пришли к единодушному мнению, что, если с началом войны наступят судьбоносные дни для Балтийских государств, то меньшим несчастьем все же будет немецкая угроза. Запустив «русскую вошь» в шубу, ее наружу больше не выбьешь, ибо там вот ее жизненное пространство и витальные⁴ интересы⁵. И хотя у обеих великих держав имеется, в общем, одинаковый режим, все же высококультурные немцы будут считаться с Европой и воздержатся от уничтожения народа⁶, чего нельзя ожидать от русских. Каких методов придерживаются правители Кремля, доказывает перемещение 250.000 корейцев с Дальнего Востока в Туркестан⁷. На это указывает нынешнее принудительное перемещение русских крестьян на Дальний Восток, чем обеспокоены японцы⁸.

Высказывались мысли, что ныне более чем когда-либо надо демонстрировать единый фронт Балтийских государств. Подчеркивалась необходимость совместной деятельности вооруженных сил Балтийских государств, не исключая даже общих осенних маневров. Надо устранить все недоразумения и объединить силы для борьбы против любого захватчика⁹.

О переговорах Советского Союза – Англии – Франции посланник Литвы Наткявичюс доложил свои впечатления, полученные в беседе с послом Англии Сидсом. Последний ему

утверждал, что никакая договоренность по вопросу гарантии Балтийских государств не была достигнута. О хороших видах пока трудно говорить, хотя делается все, чтобы достичь соглашения. Молотов углубился в вопрос и является уже намного более приемлемым переговорщиком.

На совещании констатировалось, что не усматривается добрая воля Советского Союза довести переговоры до благоприятных результатов; переговоры ничего хорошего не сулят Балтийским государствам. Единство и сотрудничество между Балтийскими государствами ныне необходимо более чем когда-либо.

Прошу Вас, глубокоуважаемый господин министр, принять мои искренние заверения в высочайшем почтении.

Посланник в СССР.

)Ф. Коциньш)¹⁰

ГИАЛ. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7390. Л. 356–357.

Машинопись. Оригинал. Лат. яз.

¹ Номер вписан черными чернилами.

² Вписано на полях слева черными чернилами.

³ *Каунас* (лит. *Kaunas*, рус. Ковно) – столица Литвы, считавшаяся временной в связи с оккупацией в октябре 1920 г. войсками польского генерала Л. Желиговского г. Вильнюса (Вильна; лит. *Vilnius*; польск. *Wilno*) и окрестностей. Оккупированные территории (с преимущественно польским и еврейским населением) были объявлены государством «Срединная Литва», в августе 1922 г. присоединены к Польше. В сентябре 1939 г. территория бывшей «Срединной Литвы» была занята советскими войсками. В соответствии с подписанным 10 октября 1939 г. *Договором о передаче Литовской Республике г. Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой* часть этой территории, в том числе город Вильно, была передана Литве. Остальная часть бывшей «Срединной Литвы», со значительным по численности белорусским населением, была 2 ноября 1939 г. включена в состав Белорусской ССР.

⁴ Витальные (от латин. *Vitalis*) – жизненный, относящийся к явлениям жизни.

⁵ Ситуация с не надуманными, а реальными жизненными интересами выглядела, на наш взгляд, иным образом. Пятилетний советско-латвийский торговый договор 1927 г. на всем протяжении своего существования приводил СССР к отрицательному торговому балансу, в то время как для латвийских аграриев и правительства он имел важное и позитивное значение, обеспечив до 20 % их товаров рынком сбыта (Подробнее о ситуации вокруг договора см.: *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. М: Фонд «Историческая память»; Алгоритм; 2012. С. 359–364). По данным, приводимым современными латышскими авторами, латвийско-советская торговля динамично развивалась. Индексы латвийского экспорта в СССР и советского импорта в ЛР в кульминационном 1929 г. составляли: экспорт в 1925 г. – 105 %, в 1929 г. – 559 %; импорт в 1925 г. – 78 %, в 1929 г. – 126 %. (См.: *Страша А.* Торговля, политика, отношения Латвии с СССР в 1932 году и газета *Сегодня // Avoti: Труды по балто-российским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина.* Под ред. И. Белобровцевой, А. Меймре и Л. Флейшмана. Stanford, 2012. С. 227). Как видим, Москва фактически субсидировала поддержание и развитие латвийского сельского хозяйства в то время, когда мир погрузился в пучину мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Последствия последнего ощутил на себе и Советский Союз, столкнувшийся с дефици-

том валюты из-за резкого падения (вследствие названного глобального экономического потрясения) зарубежного спроса на товары своего экспорта. В результате советско-латвийское торговое соглашение было расторгнуто. Предложение о заключении другого, уже не столь выгодного для Риги договора, выдвинутое советской стороной в ноябре 1932 г., было отвергнуто латвийской стороной.

⁶ Стоит отметить, что к моменту написания этих слов в нацистской Германии уже почти 4 года действовали так называемые «Нюрнбергские расовые законы», положившие начало политике этнической сегрегации, а затем и уничтожения евреев. После принятия «нюрнбергских законов» о чистоте крови в 1935 г. и до самой Хрустальной ночи было принято 1234 антиеврейских закона и подзаконных акта.

⁷ Депортация корейцев, начавшаяся в сентябре 1937 г., затронула 172 тыс. человек, а не 250 тыс. человек, как писал латвийский посланник. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/734 от 21 августа 1937 г. и совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) № 1428—326сс от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» этнические корейцы были принудительно переселены из приграничных районов Дальнего Востока на новое место жительства, в Среднюю Азию. Депортация мотивировалась угрозой японского шпионажа в связи с вторжением в июле 1937 г. японских войск в Китай, тогда как Корея в тот период времени входила в состав Японской империи.

⁸ Речь идет, вероятно, о спецпереселенцах из областей европейской части РСФСР и др. союзных республик, появление которых на Дальнем Востоке японскими экспансионистами не приветствовалось.

⁹ За месяц до этого совещания, 7 июня 1939 г., в Берлине были подписаны пакты Мунтерса-Риббентропа и Сельтера-Риббентропа о ненападении, сопровождавшиеся секретными договоренностями о развороте формального нейтралитета Латвии и Эстонии против СССР. В Федеральном архиве Германии отложился документ, который содержит прямое указание на секретный протокол («секретную клаузулу») к этим договорам и раскрывает его положения (См.: *Dertinger, Informationsbericht 55. Bundesarchiv Koblenz (BA), ZSg. 101, 34*; опубл. на нем.: *Ahmann R. Nichtangriffspakte. Entstehung und operative Nutzung in Europa 1922–1939. Mit einem Ausblick auf die Renaissance des Nichtangriffsvertrages nach dem Zweiten Weltkrieg. Baden Baden, 1988 (Internationale Politik und Sicherheit, Bd. 23). S. 651*).

Так, 8 июня 1939 г., то есть спустя день после подписания пакта Мунтерса-Риббентропа и пакта Сельтера-Риббентропа, Г. Дертингер писал в своем информационном отчете № 55: *«Эстония и Латвия помимо опубликованного договора о ненападении договорились с нами и еще об одной секретной клаузуле. Последняя обязывает оба государства принять, с согласия Германии и при консультациях с германской стороной, все необходимые меры военной безопасности по отношению к Советской России. Оба государства признают, что опасность нападения для них существует только со стороны Советской России и что здравомыслящая реализация их политики нейтралитета требует развертывания всех оборонительных сил против этой опасности. Германия будет оказывать им помощь в той мере, насколько они сами не в состоянии это сделать»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.